

УДК 82.0

**МНОЖЕСТВО, СТАЛИН, ТРУДОВ ТЯЖЕЛЫХ...
(ТРИ СЛАВОСЛОВЦА: ПИНДАР, ГОРАЦИЙ,
МАНДЕЛЬШТАМ)**

© Каспер Калле (2021), поэт, писатель, независимый исследователь (Таллин, Эстония), kkgohar@gmail.com

Проблема взаимоотношений поэта и власти является одной из наиболее сложных при изучении творческой биографии того или иного художника слова. С одной стороны, выбор им конкретной позиции, определяющей характер коммуникации с властными структурами, подчиняется социально-политическим и психологическим причинам, а с другой – неизбежно ведет к трансформации используемых выразительных средств, выработке особой системы умолчаний, подтекстов, намеков и т.п. вещей. Новизна настоящей статьи заключается в том, что в ней взаимоотношения поэта и власти рассматриваются не в синхронической, а в диахронической перспективе, подразумевающей сопоставление соответствующей модели поведения О.Э. Мандельштама со схожими реакциями поэтов древности на вызовы, спровоцированные необходимостью каким-то образом встраиваться в существующий политический порядок, устанавливать компромиссы между индивидуальными этическими предпочтениями и господствующей моралью. При таком подходе предшественниками О.Э. Мандельштама в ведении выбранных им форм диалога с властью становятся древнегреческие лирические поэты Стесихор и Пиндар, а также древнеримские поэты Публий Овидий Назон и Квинт Гораций Флакк. Предтечами И.В. Сталина, которому О.Э. Мандельштам адресовал известную оду, являются при этом сиракузский тиран Гиерон, тиран Акраганта Фаларис и римский император Октавиан Август. Указанные сопоставления позволяют прийти к выводу, что диалог О.Э. Мандельштама с высшей властью, которую в Советском Союзе воплощал И.В. Сталин, во многом подчиняется тем же принципам, которым в схожих ситуациях следовали Пиндар и Гораций. Кроме того, в статье обосновывается утверждение, что мандельштамовская «Ода Сталину», кроме элементов стилизационного характера, содержит признаки пародии.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, Стесихор, Пиндар, Публий Овидий Назон, Квинт Гораций Флакк, «Ода Сталину».

Взаимоотношения поэта и власти нередко бывают сложными, чему есть немало примеров: от Овидия и Данте до Пушкина и Гумилева. Однако есть и исключения. Умная власть не станет преследовать поэтов, а попытается их приручить или подкупить, взамен надеясь на дифирамбы в свой адрес или хотя бы на хорошую репутацию в глазах потомков.

Типичным примером в этом смысле можно считать сиракузского «тирана» Гиерона I (V век до н.э.), который оказывал покровительство поэтам и драматургам, таким как Симонид, Пиндар, Вакхилид и Эсхил. Слово «тиран» взято нами в кавычки специально, поскольку ныне оно обрело заведомо отрицательное значение, а ведь тираны бывают разные, в том числе и весьма продвинутые. А что Гиерон был правителем продвинутым – в этом сомневаться не стоит, если иметь в виду не только приведённый выше список его протеже, но и заслуги в строительстве Сиракуз, «самого прекрасного и благородного из всех греческих городов», по словам Тита Ливия [Бобровникова 2009].

Преуспевал Гиерон и на поле рати: если его предшественник, старший брат Гелон, прославился в войне с карфагенянами, то сам он разгромил в знаменитом морском бою при Кумах этрусков, посягавших на города Великой Греции.

Конечно, были у Гиерона, особенно в глазах демоса, и недостатки: например, он одним из первых организовал «тайную полицию».

Греческие полисы вечно враждовали между собой, не были исключением и Сиракузы с соседней Катаной (ныне Катания). Соперничество выиграл Гиерон, он занял Катану, депортировал её жителей в глубь острова, а вместо них поселил колонистов с Пелопоннеса и сиракузян. Власть в Катане он вручил сыну Диномену и, чтобы окончательно распрощаться с прошлым, дал городу новое имя – Этнеа. Событие наделало много шума, в частности, гостивший в Сиракузах Эсхил написал на эту тему трагедию «Этнеянки», к сожалению до нас не дошедшую. Упомянул об успехе Гиерона и Пиндар в своем эпиникии «Гиерону Этнейскому, отцу Диномена, правителя Этны, на победу в колесничном беге» (470 д.н.э.)¹:

---

¹ Эпиникий – песня в честь победителя на всегреческих спортивных состязаниях.

Муза,
Будь мне послушна
И пред Диноменом
В громе о награде победной четверни!
Слава отца – не чужая сыну.
Милую похвалу
Мы приищем этнейскому владыке,
Которому Гиерон
Воздвиг этот город
В его богозданной вольности
По законам, положенным Гераклидами...
[Пиндар]

Пиндару, фиванцу по рождению и аристократу по происхождению, начавшему свой творческий путь в Афинах, для его продолжения понадобилось покровительство, которое ему могли предоставить лишь «товарищи» по сословию. Не найдя таких людей в родной Греции, он принял приглашение Гиерона прибыть в Сицилию и остановиться при его дворе. Немудрено, что Пиндар ответил на гостеприимство похвалами в адрес Гиерона, однако важно подчеркнуть, что, во-первых, он воспевал только реальные заслуги, а во-вторых, везде ставил богов выше Гиерона:

Мановением твоим, Кронион,
Да пребудут в усмирённых домах
И финикиец, и тирренский клич,
Познавший при Кумах
Сокрушение, от которого стонали суда,
Познавши страсть
От сиракузского укротителя!
[Пиндар]

Пиндар не только возвеличивает Гиерона, но и поучает его, противопоставляя разных правителей и объясняя, на кого стоит равняться, а на кого – нет:

Не умирает благомысленная доблесть Креза,
И безжалостно жгущий медным быком
Фаларид повсюду постигнут ненавидящей молвою,
И лиры у очага

Не приемлют его
В кроткую общность отроческих песен.

Добрый успех – первая награда;
Добрая молва – вторая доля;
А кто встретил и принял обе –
Тот стяжал себе высочайший венец.
[Пиндар]

Для оправдания своего славословия Пиндар придумал даже афоризм:

«Без песен поэта всякая доблесть погибнет в безмолвии».

Пиндар провел в Сицилии два с лишним года, посетив и Акрагант (нынешний Агридженто), родину упомянутого Фалариса (Фаларида), тирана в самом страшном смысле этого слова, вошедшего в историю тем, что пытал своих оппонентов в чреве медного быка, под которым с этой целью разжигали огонь. К тому времени, когда до «города самых счастливых людей», как совсем по другим причинам называли Акрагант, добрался Пиндар, с Фаларисом успели расправиться, власть перешла к другому «тирану», уже в кавычках, всеми уважаемому Ферону (Терону), в честь которого поэт также сложил несколько эпиникий.

Немного другим было положение Горация. «Неправильный» выбор, сделанный в молодости, когда сын вольноотпущенника вступил в армию Марка Юния Брута, мог стать для него роковым, будь Август таким же кровожадным, как Марий или Сулла. Сам Флакк, чтобы окончательно отвести от себя подозрение в диссидентстве, позже описал свое поведение при Филиппах как трусливое: он, дескать, бросил меч и сбежал с поля боя. Поселившись в Риме, Гораций вскоре приобрел известность как стихотворец. Ему стал покровительствовать Меценат, познакомивший талантливое поэта с Августом. Принцепс, в меру своего понимания поэзии, Горация ценил и был весьма недоволен, что тот, написав целый ряд поэтических «посланий», в том числе Меценату, его обошел вниманием. В материальной помощи Августа Гораций не нуждался, всем необходимым его обеспечивал Меценат, подаривший поэту поместье недалеко от

Тибура (сегодняшний Тиволи), но желание принцепса – закон, и Гораций послание сочинил. Начинается оно так:

Множество, Цезарь, трудов тяжелых выносишь один ты:
Рима державу оружием хранишь, добронравием красишь,
Лечишь законами ты: я принес бы народному благу
Вред, если б время твое я занял беседою долгой...

[Гораций]

Что Гораций был не чужд хитрости, хорошо видно из этих четырех строк: изящной лестью он снимает с себя обязанность восхвалять Августа в течение всего стихотворения, сосредотачиваясь в дальнейшем на панегирике в честь... римских поэтов, которые ничем не уступают грекам, но не имеют такой же славы, ибо «древний, добротный лишь тот, кому сто уже лет после смерти» [Гораций]. Если Гораций не хвалит в этом панегирике лично себя, то, разумеется, не из скромности, а просто потому, что саморекламой он неоднократно занимался раньше, в предыдущих произведениях.

Обстоятельства, в которых оказался Осип Мандельштам, заметно отличались от условий, в которых творили Пиндар и Гораций. Джугашвили в Кремль его не приглашал, квартиры не выделял, как некоторым восхвалявшим советский строй писателям, подарков не делал. Причина сочинения хвалебной «Оды Сталину» кроется в другом – в проблеме выживания, особо остро вставшей перед Мандельштамом после знаменитой эпиграммы:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца...

[Мандельштам 1994, 74]

Ситуация Мандельштама напоминает ту, в которую однажды попал еще один древнегреческий поэт, Стесихор, когда после легкомысленного намека на измену Елены неожиданно ослеп. Катанский вольнодумец вышел из трудного положения, написав палинодию²:

---

² Палинодия – стихотворение, в котором автор отрекается от сказанного им в другом стихотворении.

Не по правде гласит предание,
Не взошла ты на палубу судна,
Не плыла ты в Пергам троянский...
[Античная лирика]

после чего зрение к нему вернулось.

Мандельштаму, подобно Стесихору, надо было как-то исправить свою «ошибку», но как? Не мог же он написать:

Нет, не осетин ты с широкой грудью,
Не тараканьи твои усища,
Не куешь ты как подкову указ за указом...

Немного иначе, но в определённом смысле близка ситуация Мандельштама и к той, в которую попал Овидий, высланный из Рима в Констанцу. Правда, Воронеж местом жительства Мандельштам выбрал сам, но список городов, который ему был предложен, ничего более приемлемого и не включал.

Назон, тяжело переживавший пребывание «на краю света», обратился к Августу во второй книге своих «Скорбных элегий»:

Две погубили меня причины: стихи и оплошность,
Мне невозможно назвать эту вторую вину³.
Я не таков, чтобы вновь беречь твои раны, о Цезарь!
Слишком доволен, что раз боль я тебе причинил.
Но остается упрек, что я непристойной поэмой
Как бы учителем стал прелюбодейной любви...
[Античная литература, 492]

Мандельштам, по идее, мог бы тоже написать в таком духе:

Другой оплошности я за собой не знаю,
Только стихи, в сиюминутном пылу сочиненные.
Не входил я в круги троцкистов,
Не плел заговор против тебя, о Джугашвили!...

---

³ Овидий участвовал в оргиях дочери Августа – Юлии.

Мандельштам выбрал третий путь, похожий на путь Пиндара и Горация: сочинил оду. На причины такого решения он намекает в конце первой строфы:

...Я б поднял брови малый уголок
И поднял вновь и разрешил иначе:
Знать, Прометей раздул свой уголек, —
Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!...
[Мандельштам 1994, 112]

Прометей и Эсхил упомянуты не зря: в трагедии Эсхила «Прометей» герой произносит такие слова:

Ай-ай-ай! О сегодняшних муках воплю
И о завтрашних муках. Когда же конец
Рассветет этим каторжным болям?
Но нет? Что говорю я? Все предвидел сам.
Заранее. Нежданным никакое зло
На плечи мне не рухнет. Надо с легкостью
Переносить свой жребий, зная накрепко,
Что власть непобедима Неизбежности...
[Эсхил, 226]

Мандельштам, выходит, уверяет нас, что он старается «с легкостью» переносить свой жребий, ибо «власть неизбежности непобедима». Правда это или самовнушение, определить сложно, да и не это нас сейчас интересует – нас интересует *манера*, которую Мандельштам для исполнения своего замысла выбрал:

...Глазами Сталина раздвинута гора
И вдаль прищурилась равнина.
Как море без морщин, как завтра из вчера –
До солнца борозды от плуга-исполина.
Он улыбается улыбкою жнеца
Рукопожатий в разговоре,
Который начался и длится без конца
На шестиклятвенном просторе.
И каждое гумно и каждая копна
Сильна, убориста, умна – добро живое –

Чудо народное! Да будет жизнь крупна.
Ворочается счастье стержневое...

[Мандельштам 1994, 114]

Понятно, что «Ода Сталину» – стилизация, доказательством тому служит хотя бы рассказ Надежды Мандельштам о том, КАК именно покойный муж сие стихотворение писал: не «в голове», как это обычно делают поэты (и как делал он сам), а сидя за столом [Мандельштам 1999]. То есть это только работа ума, а не оттиск личности поэта.

Но стилизация – прием опасный, потому что он стирает грань между автором и тем, кому или чему он подражает, и бывает трудно отличить, думает ли автор так же, как он пишет, или сохраняет с написанным «дистанцию». Когда Камю сочинил «Постороннего» от имени убийцы, никто не сомневался в том, что сам он никого не убивал. Когда другой автор, автор этих строк, перейдя с поэзии на прозу, написал на эстонском рассказ от имени русского, используя русский синтаксис, также никому не пришло в голову, что он русский [Käsper 1996; Каспер 1998]. Но когда он сочинил повесть, в которой рассказал историю от имени стукача, до него впоследствии дошел слух, что иные читатели отождествили его с героем [Käsper 1996].

Когда Пастернак написал «Стихотворения Юрия Живаго», он тоже использовал прием стилизации: в какой-то степени он имитировал художественную манеру поэта-дилетанта. Такие строки как «Жизнь прожить – не поле перейти», «Солнце греет до седьмого по-та» или «И то и дело» не слишком характерны для пера опытного, профессионального поэта, который предпочел бы, наверное, переиначить устойчивые выражения и поговорки.⁴ То есть, строки эти заведомо сочинены дилетантом, манеру которого Пастернак имитировал – а сколько читателей это понимает?

Похожая ситуация и с «Одой Сталину». Существует мнение, поддержанное в том числе Михаилом Гаспаровым, что это «индивидуальная стилизация официального громоздкого сталинского классицизма» [Гаспаров 1995]. Однако поскольку «официальный громоздкий сталинский классицизм» явно был чужд Мандельштаму, то у него при таком подходе должна была получиться *пародия*. Именно

---

⁴ Ср.: «Жизнь прожил, как поле перешел» [Пурин 2010].

так написан «Дон-Кихот» Сервантеса – как пародия на рыцарские романы. Но разве можно увидеть пародию хотя бы в последних строках «Оды Сталину»:

Правдивей правды нет, чем искренность бойца:
Для чести и любви, для доблести и стали
Есть имя славное для сжатых губ чтеца –
Его мы слышали и мы его застали.

[Мандельштам 1994, 114]

Неординарных «сжатых губ» явно недостаточно, чтобы выразить иронию.

Однако Мандельштам хорошо знал творчество и Пиндара, и Горация. Стихотворение «Нашедший подкову» он сам называл «небольшой пиндарической прозой в сотню строк» [Столярова 1995].⁵ Поэтому резонно полагать, что в «Оде» Мандельштам или сознательно, или подсознательно подражал не советским поэтам, чуждым ему, а своим античным предшественникам. И тут возникает вопрос. Пиндар и Гораций, когда им приходилось воспевать своих благодетелей, всячески старались сохранять чувство собственного достоинства, превознося только конкретные заслуги (Пиндар) или быстро переводя послание на посторонние темы (Гораций); Мандельштам такой возможностью пренебрег. Перефразируя Пиндара, можно сказать: «Лира Мандельштама приняла Джугашвили в кроткую общность отроческих песен». Понимал ли автор, что объект его «восторгов» напоминает скорее Фалариса, чем Гиерона или, упаси Зевс, Августа? Наверное, понимал, но то ли не увидел другого выхода, то ли понадеялся, что стилизационный характер стихотворения не будет вызывать сомнения. В противном случае, не лишенный чувства юмора, он вполне мог сделать к «Оде» примечание а ля Пушкин: «Писано в чреве медного быка».

---

⁵ Почему «прозой»? Думаю, Мандельштам, как и многие другие русские поэты, заиклившись на рифмованной поэзии, которую он считал единственно правильной, недооценивал античный стих, с его совершенно другими достоинствами. Даже здесь, в «Оде Сталину», видно, как рифма заставляет поэта выбирать слова, ненужные для данного стихотворения, – греческая поэзия в этом смысле имела преимущество перед рифмованной.

Источники

Античная лирика – Античная лирика. *Библиотека всемирной литературы*. Серия первая. Т. 4. М., 1968. URL: <http://lib.liim.ru/creations/s-194/s-194-04.html> (дата обращения 12.10.2021).

Античная литература – Античная литература. *Рим. Антология*. Составители Н.А. Федоров и В.М. Мирошенкова. М., 1988.

Бобровникова 2009 – Бобровникова Т.А. *Сципион Африканский*. М., 2009.

Гораций – Гораций. *Собрание сочинений*. СПб., 1993, стр. 327–333.

Каспер 1998 – Каспер К. *Сердце Колумба* // Новая Россия. 1998. № 1. С. 115–122.

Мандельштам 1999 – Мандельштам Н.Я. *Воспоминания*. М., 1999.

Мандельштам 1994 – Мандельштам О.Э. *Собрание сочинений в 4 т.* Т. 3. М., 1994.

Пиндар – Пиндар. *Пифийские песни*. URL: <http://www.ancientrome.ru/antlittr/pindar/pindar04.htm> (дата обращения 12.10.2021).

Пурин 2010 – Пурин А.А. *Долина царей: Шестая книга стихов*. СПб., 2010.

Эсхил – Эсхил. *Орестея. Прикованный Прометей*. Калининград, 2001.

Käsper 1996 – Käsper K. «*Kolumbusesüda*» // Käsper K. *Taaniprints Hamlet, nuhk*. Tallinn, 1996.

Литература

Гаспаров 1995 – Гаспаров М.Л. *Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама)* // Гаспаров М.Л. *Избранные статьи. О стихе. О стихах. О поэтах*. М., 1995. С. 327-370.

Смолярова 1995 – Смолярова Т.И. *Пиндар и Мандельштам* // *Русская филология*. Вып. 6. Тарту, 1995. С. 125–134.

MULTIPLE, STALIN, TROUBLE... (THE THREE GLORIFIERS: PINDAR, HORACE, MANDELSTAM)

© Käsper Kalle (2021), poet, writer, independent researcher (Tallinn, Estonia), kkgohar@gmail.com

The problem of the relationship between the poet and the authorities is one of the most difficult issues in studying the biography of this or that artist of the word. On the one hand, his choice of a particular position determining the nature of communication with the power structures is subject to socio-political and psychological reasons; on the other hand, it inevitably leads to a transformation of the expressive means employed and to the development of a particular system of reticences, subtexts, allusions, etc. things. The novelty of this article lies in the fact that it examines the relationship between the poet and the authorities not in a synchronic, but in a diachronic perspective.

This involves comparing Mandelstam's model of behaviour to the similar reactions of the poets of antiquity to challenges provoked by the need to somehow fit into the existing political order and to make compromises between individual ethical preferences and the prevailing morality. In this approach, Mandelstam's forerunners in the forms of dialogue with power he chose were the ancient Greek lyric poets Stesychorus and Pindar, and the ancient Roman poets Publius Ovidius Nazon and Quintus Horatius Flaccus. The forerunners of Stalin, to whom O. E. Mandelstam addressed the famous ode, are the Syracusan tyrant Giron, the tyrant Falaris of Akraganta and the Roman Emperor Octavian Augustus. These comparisons enable us to conclude that O. E. Mandelstam's dialogue with the supreme power, which was embodied by Joseph Stalin in the Soviet Union, is to a great extent governed by the same principles which were followed by Pindar and Horace in similar situations. In addition, the article substantiates the claim that Mandelstam's Ode to Stalin contains, in addition to elements of stylization, signs of parody.

Keywords: O.E. Mandelstam, Stesikhor, Pindar, Publius Ovidy Nazon, Quintus Horace Flaccus, "Ode to Stalin".

References

Смолярова 1995 – Smolyarova T.I. *Pindar i Mandel'shtam* [Pindar and Mandelstam]. *Russkaya filologiya*, vol. 6, Tartu, 1995, pp. 125–134. (In Russian).

(Monographs)

Гаспаров 1995 – Gasparov M.L. *Poet i kul'tura (tri poetiki Osipa Mandel'shtama)* [Poet and culture (three poetics of Osip Mandelstam)]. Gasparov M.L. *Izbrannyye stat'i. O stikhe. O stikhakh. O poetakh* [Selected articles. About the verse. About poetry. About poets]. Moscow, 1995, pp. 327–370. (In Russian).

Поступила в редакцию 1.08.2021